

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Последняя российская императрица верила, что черный муаровый молитвослов дарует ей защиту и спасение, но именно он привел к гибели ее семью и империю...

Мария СПАССКАЯ

Молитвослов императрицы

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Молитвослов императрицы

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спасская М.

Молитвослов императрицы / М. Спасская — «Эксмо»,
2018 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-093997-8

Мирослава готовила выставку, приуроченную к столетию расстрела царской семьи. Среди предметов для экспозиции центральное место занимал черный муаровый молитвослов императрицы Александры Федоровны. Но Мира недосмотрела, и молитвослов был похищен! Теперь ей во что бы то ни стало нужно найти его. Только она уже не уверена, что хочет вернуть экспонат на выставку. Случайно выяснилось, что молитвослов скрывает в себе старинную тайну и с его помощью у Миры появится возможность исправить самое страшное, что случилось в ее жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093997-8

© Спасская М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Мария Спасская

Молитвослов императрицы

© Спасская М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2018

Царское Село, декабрь 1916 года.

Если бы не ботинки, Влас бы давно уже закончил. Ботинки желтой кожи, на толстой каучуковой подошве являлись особенной гордостью Власа Воскобойникова, и испортить их было бы для него величайшей трагедией. Без них, желтых, матовых и великолепных, целостность образа человека творческого, не чуждого богемы, но в то же время прогрессивного, создаваемая с таким трудом и упорством, была бы безвозвратно разрушена. Ни укороченные шерстяные брюки, ни клетчатое полупальто, ни твидовая, клиньями, кеги не смотрелись бы так шикарно. И ведь был в первый момент порыв надеть калоши, но дядя Пиенек не дал собраться с мыслями, все торопил – быстрее, Влас! Быстрее! Варфоломей Селиванович ждать не станет! Подумаешь, тоже, Варфоломей Селиванович! Цаца какая!

Непростые отношения внутри семьи иногда удивляли, иногда забавляли Власа. И мать, и отец его имели по родному брату, и несходство дядьев было поразительным. Матушка, Ядвига Карловна, в девичестве носила фамилию Магельская и родом была из Варшавы. Вся семья ее имела самое непосредственное отношение к творчеству – дед писал картины, отец и брат занимались фотографическим искусством.

Однако судьба повернулась так, что замуж Ядвига вышла за торговца колониальными товарами Ефима Воскобойникова и поселилась в Царском Селе. Вскоре в Царское Село из Варшавы перебрался и матушкин брат, Пиемислав Магельский, купив фотографическое ателье фон Ган. Ателье имело монополию на съемку и тиражирование фотографических карточек членов императорской фамилии, и дело обещало деньги и славу. Но если с деньгами все обстояло более-менее благополучно, то со славой выходило нехорошо.

Особую досаду тицеславного поляка вызывало то обстоятельство, что никто не помнил, как его зовут. Не утруждая себя различиями, не только император и его домочадцы, но и все придворные именовали нового хозяина фотографического ателье по сложившейся привычке Ганом. Доходило до смешного – Ганами называли не только самого Магельского, но и его сотрудников.

– Они говорят мне Ган! – устремляя модно подкрученные усы в небо, горько усмехался Пиемислав Карлович. – Этих людей даже не смущает, что прежняя владелица ателье мадам фон Ган была женщиной!

Однако надежду выделиться и войти в историю фотограф не оставлял. Несколько раз Магельский запрашивал аудиенцию у Ее Императорского Величества, убеждая Александру Федоровну выделить средства на архив, где будут храниться не только фотографические пластины, но и фотокарточки, а также киноплёнки императорского двора, ибо материалов этих уже в настоящий момент скопилось столько, что приходится складировать где попало. Каждый раз императрица идею горячо поддерживала, но денег не давала, и в конце концов отчаявшийся Магельский отстроил архивное хранилище на собственные средства. Но и это никоим образом не поспособствовало его узнаваемости, и фотографа при дворе по-прежнему именовали Ганом.

Смирная гордыню, фотограф урезонивал себя тем, что грех обижаться на приземленных личностей, которым чужды высокие духовные порывы, находя подтверждение своим размышлениям тут же, в собственной семье. Магельский снисходительно наблюдал, как муж

сестры с непосредственностью, достойной всяческих похвал, завозит в свою лавку колониальных товаров японскую водку саке и под видом экзотического продукта торгует ею после дозволенных десяти часов, в то время как брат-урядник его покрывает. На фоне братьев Воскобойниковых Магельский казался себе романтиком-бессребреником, Микеланджело в коровьем стойле.

Как-то в трактире «У старушки» Магельский разговорился с Соломоном Пиголовичем. Соломон Наумович служил начальником склада вещественных доказательств сысской полиции, а в Царское Село был переведен из Москвы. Прикрывая глаза тяжелыми веками и причмокивая пивной пеной, Пиголович подробно поведал новому знакомцу о постановке фотографического дела на службу криминальной полиции по прежнему своему месту работы.

– Был такой француз, Бертильон. Низенький, невнушительный – никакого авторитета среди коллег! – говорил Соломон Наумович, вызывая невольную усмешку на устах слушателя, ибо рассказчик сам как нельзя более подходил под описание Бертильона. – Никто Бертильону не верил, что при помощи фотографических карточек можно раскрывать преступления. Все над ним смеялись и обижали. И все-таки вышло по его, по-бертильонски. Нынче не только во Франции, во всей Европе метод Бертильона используют. В Москве целая картотека существует.

– Большая? – живо заинтересовался фотограф, только что закончивший в отдельной пристройке организацию архива семьи Его Императорского Величества и до сих пор переживавший по поводу непомерности суммы, в которую вылилось это начинание, и ничтожности полученных от этого выгод.

– Ну как вам сказать? – почесал мохнатую бровь собеседник. – Изрядная. Отдельная зала, в ней шкафы, шкафы, бесконечные ряды стеллажей, поделенные, как соты, на отсеки, и в подписанных по алфавиту ящичках – портреты преступных элементов анфас и профиль. И отдельно – стойки с фотографически запечатленными местами преступлений.

Пишемислав Карлович забыл про пиво. Он подался вперед и азартно спросил:

– А у нас почему же не практикуют?

– Кому тут практиковать? – удивился Пиголович. – Ретрограды, душители передовой мысли. Да и средства на это нужны немалые, а сейчас, извольте ли видеть, война.

Вспомнив неудачу с получением ссуды на архив, фотограф тяжело вздохнул, однако идея стать первым в Царском Селе носителем прогрессивной методики криминалистической фотографии крепко засела в голове Магельского, и он даже повторно встречался по этому поводу с Соломоном Наумовичем, обсуждая возможные перспективы предприятия. Несколько дней Магельский ходил, погруженный в свои мысли, и задумчивый взгляд его нет-нет да и останавливался на кротящимся в лаборатории племяннике.

Смышлен, расторопен, гимназию закончил, мать прочит Власа в университет. Правда, не в московский, а в питерский, хотя московский был бы предпочтительнее. Но ничего не поделаешь, видно, не судьба. Этой весной приехал Влас в Москву, а с ним на Чистых прудах возьми да приключись пренеприятная оказия – угодил в Первую градскую больницу. Теперь племянник о Москве и слышать не хочет. Но Ядвига Карловна настаивает, чтобы Влас хотя бы в Петербурге вслед за другом Ригелем пошел учиться на доктора. Отец же мечтает посадить Власа вместо себя в лавке, ибо болен и немощен. К вящей досаде отца и печали матери, Влас не чувствует ни малейшего призвания ни к торговле, ни к медицине, с обожанием взирая на великолепного дядюшку Пишенека и его мудреную аппаратуру. По всему выходило, что без Власа не обойтись.

На именины Власа, когда в доме сестры собрались все члены семьи, Магельский улучил момент и, когда братья Воскобойниковы отправились в палисадник выкурить на свежем воздухе по папиресе, завел речь о Влаसे. А также о необходимости выделения полицейским управ-

лением его фотографическому ателье средств на расходные материалы для криминалистической фотосъемки, упирая на свою осведомленность в некоторых деликатных вопросах.

В первый момент Ефим Селиванович и слушать не хотел о том, чтобы сын стал фотографом, но Варфоломей Селиванович, которого затрагивал вопрос о выделении средств на фотосъемку, обратил внимание на нехорошие нотки в голосе родственника и с угрозой спросил:

– Вы что же, господин Магельский, черт вас подери, вздумали нас шантажировать?!

– Совершенно верно, господа, – с подкупающей искренностью широко улыбнулся фотограф. – Вы, Варфоломей Селиванович, выбиваете средства на расходные материалы, а Ефим Селиванович разрешает сыну заниматься фотографией. В этом случае никто не узнает о незаконной торговле алкоголем. Влас будет не только помогать мне в фотоателье, но и станет выезжать вместе с господином урядником, – учтивый наклон головы в сторону Воскобойникова-старшего, – на места преступлений и подробнейшим образом запечатлеть их на фотографические пластины.

Глаза обоих братьев сделались одинаково круглыми и изумленными.

– Это чего же ради? – пробасил Варфоломей Селиванович. – Ваш-то какой резон?

– Не для себя стараюсь, для прогресса, – посуловел фотограф.

Урядник предпринял слабую попытку вывернуться:

– В полицейском управлении и места столько нет, чтобы хранить все пластины и карточки.

Но Магельский был готов к подобному повороту беседы и тут же откликнулся:

– Начальник склада вещественных доказательств Пиголович был так любезен, что согласился хранить эти снимки у себя и вести картотеку и архив.

– Ну, допустим, спросить-то я у начальства спрошу. А дальше, господин хороший, уж как получится, – сдался урядник Воскобойников.

И с самого лета Влас, ведомый твердой рукой дяди Пишенека, не только возился в лаборатории с photographиями, но и без усталости посещал места преступных событий и делал фотографические снимки. Обычно для этой цели он надевал яловые сапоги либо калоши, а в этот раз поторопился и обул американские ботинки, в которых теперь жалко лезть в грязь.

Влас изловчился и, выбрав место посуше, шагнул вперед.

Дама лежала так, что поймать ее в объектив целиком было затруднительно. Хорошо одетая, в ротонде на котиковом меху. И как ее угораздило попасть под колеса мотора, да так, что голова вместе со шляпкой всмятку? Увязая в размокшем снегу деревянными ножками штатива, Влас сдвинул треногу аппарата в сторону и нашел, что теперь ракурс вполне удовлетворителен.

– Хорошо еще, что не Великий Князь управлял мотором, – философски заметил Варфоломей Селиванович, рассматривая «Бени» из гаража императорского брата. – С вами, любезный, – обернулся он к великокняжескому шоферу, – церемониться не станут, в острог упекут. А если бы вел машину Константин Константинович, у всех бы были неприятности. Кто ее знает, эту покойницу? Кто такая? Откуда? Вдруг какая высокопоставленная особа?

– О чем вы, никак в толк не возьму? – пробормотал невольный убийца, похолодев при слове «острог».

– В толк он не возьмет! – передразнил Воскобойников-старший. И наставительно проговорил: – Даже ребенок понимает, что Царское Село – место особенное. Семья императора проводит здесь почти полгода, и потому население соответствующее. Большая часть составляют придворные, как царские, так и гостей Его Императорского Величества – разных послов и монархов дружественных держав. И вполне естественно, что покойница может оказаться кем угодно. К примеру, фрейлиной. Или даже Великой Княгиней.

Эта мысль заставила шофера окончательно приуныть. Сквозь стеклышко видеоискателя Влас видел, как виновник трагедии понурил голову, а отчитавший его урядник шагнул к похожему на брошенную куклу мертвому телу и, сдвинув муфту, с силой потянул из окоченевшей руки изящную дамскую сумочку. Раскрыл и, порывшись среди вещей, достал паспортную книжку.

– Екатерина Никифоровна Лукьянова, – прочитал он. – Мещанка Вольнского уезда.

И, обращаясь к шоферу, сурово заметил, убирая документ к себе в карман:

– Вам повезло, что мещанку, а не Великую Княгиню переехали!

– Она сама! Сама под колеса бросилась! – заволновался незадачливый усач в хрустящей хромовой тужурке. – Да и не видел я ее! Из этих вот кустов неожиданно шагнула! Откуда она там вообще взялась?

– Мятлев! – окликнул урядник.

– Вашблародь? – исполнительно отозвался сотский, топтавшийся у означенных кустов.

– Доставьте задержанного в часть, пусть стряпчий запишет показания.

Послышались тяжелые шаги, сопровождаемые протяжными вздохами, но Влас не обратил на них внимания – он был весь в работе. Запечатлев картину происшествия, щелкнул затвором фотографического аппарата и обернулся к лениво вытягивающему из портсигара папиросу дядюшке с чувством выполненного долга.

– Все. Готово. Завтра смогу предоставить фотоснимки.

– Да где же санитары запропастились? – озабоченно заозирался по сторонам Варфоломей Селиванович, окидывая тревожным взглядом Садовую улицу и Екатерининский парк.

Видя такое равнодушие к своему труду, фотограф даже вспотел от обиды, но виду не подал – привык. Затея Магельского уряднику явно не нравилась, однако чрезмерная осведомленность родственника заставляла терпеть его глупые выходки.

Укладывая фотографический аппарат в рыжий кофр из тугой кожи, Влас не сразу заметил, откуда он взялся, этот субъект в форме почтового служащего. Просто в какой-то момент услышал сдавленный стон и протяжный всхлип. А оглянувшись, увидел стоящего над распластанной на дороге женщиной худого смуглого брюнета с растрепанными волосами и всклокоченной бородкой клинышком. Брюнет в тужурке с почтмейстерскими околышами еще раз всхлипнул, прижал фуражку к глазам и, подломив колени, упал на грудь покойнице.

– Катенька! – зарыдал он. – Боже мой, Катенька! Как же так? Все он! Он! Будь он проклят!

При виде подобной заинтересованности урядник оживился и, отбросив недокуренную папиросу в кусты, размеренной походкой служилого человека при исполнении обязанностей двинулся к живописной группе.

– Ваша знакомая? Кем вам доводится? – строго осведомился он.

– Жена моя, – чуть слышно прошелестел брюнет. – Катенька.

– А по фамилии как?

– Лукьянова.

– Верно. Лукьянова Екатерина Никифоровна. Стало быть, вы ее супруг? – с сомнением в голосе констатировал представитель власти.

И усомниться было от чего. Дамочка выглядела франтихой, одета дорого, в то время как истрепанный стюточок почтового служащего производил впечатление если не плачевное, то близкое к тому.

– Имя ваше позвольте узнать? – недоверчиво прищурился урядник.

– Лукьянов Иван Захарович, служу по почтовому ведомству и проживаю с супругой в Безымянном переулке, в доме Кудрина. Квартиру на первом этаже занимаем. Занимали... – болезненно сморщившись, поправился говоривший. – Теперь-то я один.

– Соболезную, господин Лукьянов, – пробасил Варфоломей Селиванович, убедившись, что никакой ошибки тут нет. И со значением выдохнул: – Вот, ридикюль извольте принять. При вашей покойной жене на момент ее смерти находился.

Все, что случилось секунду спустя, Влас мог объяснить только горем, затмившим рассудок несчастного вдовца. Почтовый служащий бережно принял сумочку и, с минуту подержав в руках, вдруг оскалится и принялся в бешенстве рвать тонкую шелковую ткань, приговаривая:

– Все он! Он до смерти Катеньку довел! Его подарки! Его ухаживания!

Под сухими жилистыми пальцами Лукьянова маленькая, изящная вещица с треском лопнула, одна парчовая сторона повисла лоскутом, на землю посыпалась разная дамская чепуха, и из-под шелковой подкладки выпала, медленно планируя на холодном ветру, прямоугольная картонка, очень похожая на игральную карту. Безумец в бешенстве принялся топтать все, что оказалось у него под ногами, мешая со снегом и грязью серебристую гильзу губной помады, хрустальный флакончик духов, белый кружевной платочек, какие-то карандашики и безделушки. И только теперь урядник опомнился.

– Э, любезный, что себе позволяете? – шагнул он к Лукьянову, отталкивая безумца в сторону и забирая у него лоскуты, бывшие некогда ридикюлем. – Мятлев!

Выполняя распоряжение начальства, сотский уже успел усадить в пролетку незадачливого шофера и теперь, заслышав зов, проворно выбрался из служебного экипажа, торопясь предстать перед урядником.

– И этого в участок, – распорядился Воскобойников-старший, впихивая в красные лапы Мятлева шелковые клочки. И, кивнув на дорогу, попросил: – Вы это, Мятлев. Вещи ее соберите.

Сотский, кряхтя, согнулся пополам и, выставив обтянутый синим сукном толстый зад, макая в грязь полы шинели, брезгливо выковырял пальцем из снежной слякоти самое крупное из затоптанного – духи, помаду и игральную карту, проигнорировав более мелкие предметы. Вытер поднятое о шелковые лохмотья ридикюля, указал поникшему Лукьянову на пролетку, где уже дождался притихший шофер, и двинулся следом за всхлипывающим вдовцом, бормоча проклятия и брезгливо отряхивая перчаткой запачканную шинель.

Москва, май 2018 года.

Дерзость Звягинцева граничила с безумием. Только безумец может в конце рабочего дня взять коробку с экспонатами и убрать к себе в сумку. Я стояла в дверях выставочного зала, наблюдала за разнорабочим и не верила своим глазам. Так вот просто – взять и украсть только что доставленные из хранилища Федерального государственного архива царские вещи? Или Юрий Павлович всерьез полагает, что пропажу коробки номер девять никто не заметит?

– Лар, что он делает? – не оборачиваясь, прошептала я.

Лучшая подруга, она же пресс-секретарь Выставочного Центра, из-за моей спины так же шепотом откликнулась:

– Похоже, ворует.

И громко, на весь зал, проговорила:

– Уважаемый, будьте так любезны, верните коробочку на место.

Крупная фигура в синем комбинезоне неторопливо выложила коробку обратно. Избавившись от похищенного, Звягинцев хмуро посмотрел на нас.

– Теперь выгоните? – Он равнодушно поскреб подбородок.

– Завтра можете не выходить, – холодно сообщила я, рассматривая широкую плоскую переносицу его вздернутого носа и щетину на пухлых щеках.

– Значит, увольняете, – глубокомысленно заключил Звягинцев.

Я удивилась подобной непробиваемости и увещательным тоном заговорила:

– Юрий Павлович, вы же взрослый человек и понимаете, что за похищение государственного имущества полагается уголовная статья. Скажите спасибо, что не предаю это происшествие огласке.

Он посмотрел на меня мутными карими глазами и скупой обронил:

– Понятно.

Что за человек!

– Вы напрасно обижаетесь, – принялась оправдываться я. – Как представитель архива я несу материальную ответственность за экспонаты из нашего хранилища и не могу позволить работать на выставке человеку, в котором не уверена. Так что приходите завтра в Архив за расчетом. Всего вам доброго.

Подсобный рабочий хмуро покосился на меня, недовольно пробормотав:

– Рабочий день вроде закончился. И откуда ты взялась?..

Откуда? Я смартфон забыла. Уже дошла до парковки, нашла среди машин свою, полезла в сумку за ключами и тут увидела, что смартфона нет. И вспомнила, что не забрала его со стола, за которым работала. Делать нечего, развернулась и пошла обратно к выставочному центру. Поднялась на второй этаж, в коридоре встретила Лару, она вызвалась проводить меня, так мы вместе с ней и оказались у дверей зала, где Звягинцев решился на воровство.

– Правильно, гони его в шею. Так с ними и надо, с ворюгами, – поддержала меня Лариса, подхватывая под руку и увлекая к столу, на котором и покоился забытый аппарат.

Мы с Ларкой знакомы тысячу лет. Она всегда выражается кратко и бескомпромиссно, и посты популярной блогерши Ларисы Заглушкиной-Валуа неизменно в топовой десятке. Она пишет желчно и хлестко, стараясь во всем походить на Ларису Рейснер. Красотка Рейснер – Ларкин кумир. Лариса даже сделала себе нос под Рейснер. А про выставку, которую мы готовим, зло написала, что навряд ли кого-нибудь привлекут привезенные из Америки растянутые царские рейтузы и побитый молью френч цесаревича Алексея. Это она лукавит. Экспонатов много, и все они представляют несомненную историческую, а некоторые и художественную ценность. Особенно американская часть коллекции, прибывшая из Джорданвилля, из Свято-Троицкого монастыря, она состоит из личных вещей царской семьи, некогда доставленных в Штаты следователем Соколовым.

– Ну хорошо, выгнала ты этого работягу, и что теперь? – следуя по коридору в направлении выхода, полюбопытствовала Лариса. – Сама будешь строительные лестницы таскать?

– Скажи честно – боишься, что к тебе за помощью обращайся? – пошутила я.

– На это даже не надейся! – В голосе подруги зазвучала сталь. – У меня своих дел хватает. Я не об этом. Просто имей в виду – если выставка не откроется в положенные сроки, за срыв проекта ты будешь отвечать.

– Разберемся, – отмахнулась я, перебирая в голове возможные кандидатуры на должность разнорабочего.

В принципе, их было немного. Но выбрать было из кого.

Проходя по первому этажу и помимо воли косясь в распахнутую дверь, откуда доносились заключительные аккорды вагнеровского «Полета валькирий», я не могла не содрогнуться от охватившей меня гадливости. В просторном выставочном зале заканчивалось последнее на сегодня шоу. Нельзя не признать, что шоу было феерично и будоражило воображение. В самом центре экспозиции возлежала жуткая голая женщина, сработанная из папье-маше и эластичных тряпок. Каждые два часа под звуки Вагнера она вдруг оживала и начинала на глазах изумленных зрителей буквально распадаться на части.

Первым делом из ее не в меру натуралистичного лона выползал новорожденный младенец. Плод откатывался в сторону, и если в зале случались дети – а это бывало довольно-таки часто, – ребятам предлагалось надеть на новорожденного памперс, иначе «бебибон» мужеского

полу поливал окружающих веселыми струйками. Затем отделялось само лоно и укатывалось в сторону. В следующий момент к возлегающей в центре зала гигантше подбежал некто, переодетый поросенком, и начинал залихватски отплясывать, а к хрюшке уже двигался, щелкая зубами, отделившийся от женщины рот. Широко распахнувшись, рот целиком заглатывал легкомысленное животное и, исполнив свою партию, откатывался в сторону.

За ртом у матери младенца отваливались по очереди все остальные органы – начиная с молочных желёз и заканчивая сердцем. Руки и ноги извивающимися червями расплзались в разные стороны. Органы изображали наряженные соответствующим образом люди, исполняющие каждый свой танец. В финале от «женщины» оставалась одна лишь пустая оболочка, растекшаяся по залу, как кожа разложившегося трупа. Зрелище было настолько дикое и омерзительное, что некоторые не выдерживали и, зажимая рты, выбегали на улицу. Несомненно, в роли органов выступали люди с отменной гимнастической подготовкой, и то, в какие узлы они могли скрутить свои тела, впечатляло.

Автор перформанса, швед Боссе Янсон, колесил по миру со своим проектом и имел колоссальный успех – как в Европе, так и в Азии желающих лицезреть распад «живого организма» было хоть отбавляй. Как-то в приватной беседе швед хвастался, что его проект даже входит в образовательные программы некоторых особо продвинутых стран.

– Боссе молодец, – одобрительно тряхнула коротко стриженной головой Лара. – Сечет фишку. Знает, что народу нужно.

Мы вышли из Выставочного центра, и мне показалось, что среди юной майской листвы маячит знакомая фигура. Ошибиться было сложно. Бывшего мужа я узнаю из тысячи. Отношения у нас непростые настолько, что даже трудно сказать, как я к нему отношусь. Ненавижу? Да. Презираю? Да. Люблю? Возможно. Жалею? Несомненно. Но после всего, что с нами произошло, видеть Евгения для меня сушая пытка.

– Лар, там Волчанский или мне уже мерещится? – тронула я за локоть подругу.

– Он самый, – хмуро откликнулась Заглушкина-Валуа.

Женю Ларка не любит. Он платит ей той же монетой. Мелькнув пару раз вдали, Волчанский скрылся за поворотом, но тут же последовал вызов смартфона, извещающий, что со мной желает беседовать бывший супруг.

– Да, Женя, я тебя внимательно слушаю, – сухо отозвалась я.

– Мира, здравствуй, – деловито проговорил он. – Извини, на долгие прелюдии нет времени. Надеюсь, ты поживаешь хорошо. Перехожу сразу к делу. Тебе не требуются сотрудники?

В душу тут же закралось подозрение, что совпадением это быть не может. Только что я увольняю разнорабочего, и вездесущий Евгений тут как тут. Уже осведомлен. Ох, не зря он маячил у Выставочного комплекса!

– Слушай, Волчанский, сколько ты заплатил Звягинцеву, чтобы занять его место?

Надо признать, удивление бывшего супруга выглядело вполне естественно.

– Ты что, Мирослава? Какому Звягинцеву? – в пределах разумного возмутился Волчанский. И тут же принялся пояснять: – Я просто так спрашиваю, я всех подряд обзваниваю. Меня вчера с работы попросили, вчера и начал людей обзванивать. Сегодня до тебя очередь дошла.

Последнее место работы доктора исторических наук Евгения Ивановича Волчанского – ночной охранник в соседней школе. Только на моей памяти было больше пяти самых разных охранных агентств, и отовсюду Женю выгнали. А выгоняли Волчанского со столь неприятных рабочих мест за одну и ту же провинность: увлекшись написанием монографии о ближайшем круге последних Романовых, горе-охранник забывал о своих прямых обязанностях, а именно пренебрегал предписанными обходами вверенных ему объектов, на чем и палился.

– Ты знаешь, это просто удивительно, но для тебя и в самом деле есть работа, – неохотно призналась я, уговаривая себя, что на ловца и зверь бежит и что Евгений ничуть не хуже любого

другого разнорабочего. И даже лучше – в отличие от многих других людей этой специальности, не склонен к алкоголизму. – Пойдешь разнорабочим на выставке?

– Отлично, Мирочка! – обрадовался бывший муж. – Я знал, что именно ты поможешь мне с работой!

– Завтра к десяти будь у выставочного комплекса. Я тебя встречу и проведу.

Судя по голосу, благодарности Волчанского не было границ.

– Вот спасибо! Я твой должник!

– Что правда, то правда, – насмешливо откликнулась я.

– Не начинай, ладно? – глухо проговорил Волчанский. И тут же смягчился: – До завтра, душа моя.

– Этот звонил? – догадалась подруга, глядя, как я убираю смартфон.

– Он самый. Будет вместо Звягинцева работать.

Ларке только повод дай – а уж она порезвится!

– Поистине зрелище, достойное богов! – зашлась в восторге подруга. – Профессор университета, завернувшийся на своих изысканиях, лишившийся наград и регалий и подавшийся в разнорабочие!

Я искоса глянула на Лару и, удивляясь ее желчности, тихо проговорила:

– Не нужно глумиться. Он не виноват. Это сильнее его.

– Странные вы все-таки ребята, – скупно улыбнулась Лариса. – То собачитесь, как последние гопники, то глотки друг за друга перегрызете. И тут же сменила тему: – Ты сейчас куда? Может, в кабачок закатимся?

– Нет, Лар, я в «Детский мир» поеду, Катюшке что-нибудь куплю.

Подруга посмотрела на меня долгим взглядом красивых карих глаз и, пробормотав слова прощания, распахнула дверцу алой спортивной машины, на которой носилась по Москве не хуже профессионального гонщика.

Мой любимый отдел – игрушки. Вот и сегодня я отправилась прямо туда. Долго прохаживалась между слишком современными куклами, понимая, что вульгарно раскрашенные «монстр хайнц» вряд ли понравятся моей малышке. Зато мягкие пушистики – это как раз то, что Катюня любит больше всего. Упитанные зайцы с толстенькими лапками, щенки с ласковыми мордочками и котики. Котики милые настолько, что так и хочется взять такого славного, прижаться щекой к мягкой шерстке и не выпускать.

Самым милым был белый котенок с розовыми подушечками на лапках. Надо ли говорить, что я купила это чудо? Затем отправилась в отдел одежды и выбрала великолепное платье. Синее в белый горошек, с отделанным кружевом подюбником и кружевным воротничком. Спустилась на первый этаж, зашла в кофейню, не торопясь и наслаждаясь каждой секундой, выпила двойной капучино с корицей, вышла на улицу и только теперь вдохнула полной грудью. Спазм, весь день сжимавший горло, наконец отпустил. Вот теперь я счастлива. Почти счастлива. Уложила покупки в машину и поехала домой.

Высотная громада дома на набережной смотрелась в Москва-реку огоньками окон. Консьержка со взглядом чекистки растянула в дежурной улыбке узкие губы и льстиво проговорила, косясь на пакеты из «Детского мира»:

– Добрый вечер, Мирослава Юрьевна! Эммануил Львович только что поднялся. С Джесси гулял.

– Спасибо, Марина Дмитриевна, – широко улыбнулась я в ответ.

И прошла к лифту. Вот змея, сейчас начнет звонить! Поднялась на свой двадцать второй этаж и увидела застывшего на пороге квартиры мужа. Высокий и грузный, он занимал собой весь дверной проем, и в глазах у него плескалась тревога, а в побелевших пальцах Эммануил и в самом деле сжимал еще теплый от разговора с консьержкой смартфон. Перебирая грязными лапами, Джесси крутилась у его ног. Увидев меня, муж обреченно выдохнул:

– Мирослава! Ну вот! Опять!

И, закрывая дверь, забрал у меня из рук пакеты. Мы стояли в прихожей, и он с болью в голосе говорил:

– Милая моя, хорошая! Я все понимаю, но нельзя же так! Два года прошло, как твоей дочери нет, а ты ей все игрушки покупаешь!

Да, умом я понимаю, что Катюня умерла, но сердце принять не может. Она шагнула в открытое окно прямо на моих глазах, моя милая маленькая девочка. В ручке ее был зажат рисунок, и последние ее слова были: «Мамочка, смотри, что я тебе нарисовала!» Она их прошептала, лежа на асфальте. Она была еще жива. Она сделала шаг навстречу мне, идущей из магазина. А я, стоя в арке с авоськами в руках, смотрела на мою любимую девочку, видела, как ее ножка соскальзывает с подоконника, и от ужаса отказывалась верить в происходящее. А потом она лежала на асфальте, и я кричала так, что ко мне боялись подойти. И эти двое – бывший муж и наш старший сын – они смотрели на нас из того страшного окна, откуда упала Катенька, смотрели во двор и ничего не предпринимали. Все, что могли, они уже сделали. Один играл в бродилки на компьютере, второй штудировал репринтное издание Бердяева.

Я до сих пор не могу спать без снотворного. Стоит только закрыть глаза, как я вижу залитый солнечным светом двор и ее, стоящую в оконном проеме. Мое пятилетнее счастье. И я готова жизнь отдать, только бы вернуть назад тот миг, когда она все еще там. Стоит на подоконнике и улыбается, размахивая рисунком. Если бы было возможно перемотать ленту времени назад и не дать ей упасть!

Когда я вышла из больницы, первым делом развелась с Евгением и ушла жить к Эммануилу. Терпению моего нынешнего мужа остается только поражаться. Он ждал меня все те долгие пятнадцать лет, что я была замужем за чокнутым профессором Волчанским, повернутым на своей чертовой монографии. И вот дождался. Наверное, Эммануил меня действительно любит, но мне все равно. Все равно. Пусть любит, я не против. Я убрала в аптечку пузырек с таблетками, выключила воду, вышла из ванной и услышала голос разговаривающего по телефону Эммануила:

– Да, Иннокентий Семенович, вы правы. Полагаю, немного отдохнуть в стационаре ей и в самом деле не повредит. Покапаете успокоительное, поколете витаминчики. Во сколько нам подъехать? Вот и отлично. Давайте завтра, прямо с утра. Часикам к десяти.

Стараясь не шуметь, я надела туфли, накинула плащ, подхватила сумку, взяла ключи от машины и вышла из квартиры.

Царское Село, декабрь 1916 год.

Смотреть, как в сгущающихся сумерках санитары укладывают в подъехавшую карету бездыханное тело потерпевшей, Влас не стал, и без того задержался на месте происшествия непоколебительно долго. Вне всяких сомнений, его старинный, еще с гимназических времен, друг Ригель уже вернулся из анатомического театра и теперь с нетерпением ожидает кормильца. Они обитали в квартире вдвоем – Влас, Ригель и девушка Раиса Киевна. Собственно, Раиса Киевна Симанюк, дочь генерала, и сдавала эту дивную мансарду в доме Монитетти на углу Широкой и Бульварной улиц.

С Мишей Ригелем Власа связывала многолетняя дружба, проверенная горем и радостями. Вместе, играя в индейцев, они носились по зарослям Летнего сада, вместе строили шалаши, вместе дрались с компанией толстого Костика Свинына. Свинын был самый заклятый их враг, и часто то Влас, то Мишка, проходя мимо адвокатской конторы его отца, не без намека рисовали мелом на двери свиную голову. В конце этого мая, уже после возвращения из Москвы, Влас и Ригель шатались по городу в поисках приключений, увидели билетик на одном из окон второго этажа и зашли полюбопытствовать об условиях сдачи. Дверь им

открыла приземистая плосколицая девица лет двадцати в безвкусовой полосатой блузе и с таким же не претендующим на изысканность полосатым бантом в волосах, Влас в первый момент подумал, что это девица – прислуга. Девица окинула их с Ригелем снулым взглядом и назвала сумму за две свободные комнаты.

В тот же вечер решено было переезжать, ибо и сумма, и некрасивая и, как видно, спокойная хозяйка без особых запросов их вполне устраивали. И потом, женищина в доме – это всегда тепло, уют, чистота и еда. Пожив с неделю, друзья поняли, что только не в случае с Раисой Киевной. В мансарде царили грязь и сумрак, и вечный сквозняк, гуляющий по коридору, доносил будоражащие запахи еды лишь из чужих окон. Раисе Киевне некогда было заниматься домом. Девушка обожала поэзию и, встав с утра, нечесаная и немытая, в просторной несвежей рубашке ходила по квартире с томиком стихов в руках, пропевая под нос поэтические строки и швыряя затушенные прямо об стены окурки папирос себе под ноги. Ближе к вечеру Раиса Киевна либо отправлялась на вечера антропософского общества, либо, закутавшись в шаль, выходила на кухню и ожидала, когда вернутся квартиранты и покормят ее.

На Соборной площади располагался магазин Филиппова с потрясающими пирожными, а также мясная лавка Шалберова с ветчиной и колбасами, но после четырнадцатого года цены на продукты выросли так, что всякий раз, проходя мимо витрин продуктовых магазинов, прохожие ускоряли шаг, борясь с искушением зайти и спустить все имеющиеся деньги на небольшой, но очень аппетитный кусочек окорока либо коробку вкуснейших пирожных. Влас считался в мансарде добытчиком, ибо время от времени наведывался в родительскую лавку и за счет продуктов на складе пополнял их общие запасы колониальной провизией. Особым спросом пользовались китайская лапша с острыми приправами, которую всего-то и нужно было залить кипятком. Также высоко котировались индийские сладости и японская водка.

Правда, водка заканчивалась как-то особенно быстро, Влас не успевал приносить маленькие бутылочки с загадочными иероглифами – за пару дней шкафчик, где они хранились, неизменно оказывался пустым. Глупо было думать на Ригеля, пить он не любил. А вообразить себе воровато греющую на примусе бутылочку sake и проглатывающую обжигающую жидкость Раису Киевну у молодого фотографа не хватало фантазии – не совсем же она конченая особа.

Но, вернувшись домой, Влас вынужден был признать, что добродетели квартирной хозяйки им сильно преувеличены.

Пройдя по коридору в витающих под потолком сизых клубах папиросного дыма, Влас устремился на кухню и застал там двух других обитателей мансарды. Босая Раиса Киевна в ночной сорочке сидела на стуле. Ригель, зябко завернувшись в пальто, дремал в углу дивана. На загаженном столе валялись обломки засохшего хлеба, тарелки с рыбьими костями, давно пустая, грязная супница с торчащим из нее половником, и тянулась аккуратная шеренга пустых бутылочек, тех самых, в которых некогда было sake. Перед шеренгой солдат-бутылочек командиром высилась вазочка с виноградом, который по ягоде отщипывала Раиса Киевна.

– Воскобойников! Принесли? – вместо приветствия выкрикнула она, отправляя виноградину в рот.

– Рая отчего-то решила, что ты непременно принесешь ей японской водки, – высунул нос из воротника пальто Ригель.

– Не смейте называть меня Рая! – повысила голос девушка, швыряя в квартиранта оторванной от кисти виноградиной. – Нет во мне рая, один лишь ад! Я требую – слышите, вы! Требую, чтобы с этого момента меня называли Ада!

Собирая объедки в супницу, Влас сгреб туда же пустые бутылочки, неприязненно поглядывая на хозяйку. Но та истолковала этот взгляд по-своему и, лукаво улыбнувшись, проговорила:

– Я так порочна, что сама себе противна. Признайся, ты хочешь меня, красивое животное!

Влас отошел к рукомоюнику, вытряхивая в ведро мусор из супницы и всем своим видом показывая, что занят и не намерен вступать в не относящиеся к делу разговоры, но девушка не унималась.

– Я ненавижу свою девственность, – сквозь зубы процедила она. – Ну что же вы! Будьте мужчинами! Возьмите меня!

Тема была болезненной и скользкой. Обзаводясь жильцами в лице двух молодых людей, Симанюк не сомневалась, что уж один-то из них точно станет ее первым мужчиной, ибо в кругах, где она вращалась, ходить в девицах считалось позорным. Но парни, подселяясь к Раисе Киевне, вовсе не ожидали от неухоженной, малопривлекательной и не склонной к кокетству дурнушки подобной раскрепощенности. Время от времени хозяйка принималась намекать, а выпив, так и вовсе предлагала себя открыто, чем ставила всех в тупик. Несколько раз добросердечный Ригель давал себя увести в паучью нору Раисы Киевны, но, будучи джентльменом, подробностей приятелю не рассказывал. Да Влас и не спрашивал, предпочитая ничего не знать. От пронзительного крика Раисы у Воскобойникова окончательно испортилось настроение, и он нетвердым голосом протянул:

– Так вроде Миша вас уже обесчестил...

– Кто? Он? – Симанюк сделала ироническое лицо, ткнув в угол дивана пальцем, где воробьем нахохлился студент-медик. – Ригель только строит из себя демоническую личность! На самом деле он импотент. Попил бы, что ли, травок у своего Бадмаева! Распутин, говорят, пил. Теперь с потаскух не слезает! Эй, Воскобойников! Налейте мне жидкости с неприличным названием! Воскобойников! Вы меня слышите? Вы принесли sake?

– По какому поводу пьем? – вполголоса поинтересовался Влас, обернувшись к Ригелю и игнорируя требование Раисы.

– У нее отца на фронте убили, – понизив голос до шепота, сообщил товарищ. И только теперь Влас заметил одну из маленьких бутылочек sake, покрытую ржавой коркой и выставленную перед перевязанной черной лентой фотографической карточкой бравого военного. – Винограду ей принес. Теперь сижусь вот, разговорами занимаю, хотя мне лучше бы прилечь.

– Кокаин? – Влас с упрёком посмотрел на Ригеля. Влас подозревал – нет, он был почти уверен, что друг принимает адское зелье.

Они жили в странное время. Хорошие люди стеснялись своей порядочности, ибо модно было слыть человеком порочным, испорченным до мозга костей. Супружеская верность делалась темой для анекдотов, а адюльтер казался высшей доблестью и чем-то вроде медали за умение правильно жить. К измене стремились, ее искали, как когда-то жаждали верности и любви. Влас недоумевал, для чего отличный парень Миша Ригель, стесняясь своей чистоты и милой домашности, начал нюхать кокс? Кому и что он хочет доказать? Отцу – профессору медицины, действительному статскому советнику, светилу в области герантологии и мировому авторитету? Или матери, души не чающей в единственном сыне? А может, самому себе, тихому, скромному, не способному на понравившуюся девушку глаза поднять и посредством кокаина добирающему брутальности?

– Влас, перестань! – скривился приятель. – Я сам разберусь. Не маленький. Займи Раису Киевну, я пойду прилягу.

Ригель поднялся с дивана. Чернявый и худой, с запавшими кругами вокруг глаз, с орлиным носом и выпирающим кадыком, он был похож на врубелевского Демона. Запахнув полы длинного пальто, он чинно кивнул хозяйке и скрылся в коридоре.

– Налейте мне чего-нибудь выпить, жестокий вы человек! – вдруг заплакала Симанюк, уронив неприбранную голову на скрещенные на столе полные руки.

Влас на секунду представил себе, что вечер придется провести рядом с убитой горем Раисой, с ее слезами и требованием интимной близости и вдруг решился. Вытерев руки грязной тряпкой, шагнул к квартирной хозяйке и погладил ее по вздрагивающей мясистой спине.

– Раиса Киевна, а поедемте к графине Широковой-Гонзель? Ей-богу, поедемте! У меня приглашение на два лица! Там будет читать Бессонов. Вы же любите его стихи? Я видел у вас три белых томика...

В последнее время весь Петроград буквально помешался на порочной, пропитанной ядом поэзии Бессонова. Дамы с охапками цветов стерегли красавца Алексея Константиновича после выступлений, мужчины поджидали с вином, сажали в экипаж и увозили кутить. Поэт с утомленным равнодушием принимал поклонение толпы, с пресыщенностью гурмана выбирая среди юных глупышек подругу на ночь, безжалостно прогоняя наутро, но все новые и новые бабочки летели на огонь его буйного таланта, чтобы сгореть в смертоносных искрах сочащихся пороком строф.

– Вот и отлично! – вскинула девушка заплаканное лицо. – Я отдамся Бессонову! Только он и достоин!

Она подскочила со стула, пошатнулась, с трудом сохранив равновесие, и нетвердой походкой направилась в свою комнату, придерживаясь за стену коридора.

– Дайте мне полчаса времени! – прокричала она из глубины квартиры.

Влас курил на кухне, когда отворилась дверь и вошла Симанюк. Нельзя сказать, чтобы прическа с забранными кверху волосами и красное, слишком обтягивающее платье сделали ее красавицей, но не заметить Раису Киевну было положительно нельзя.

– Ну как товар? Хоть сейчас на продажу? – вульгарно хохотнула она, пытаясь скрыть за показным цинизмом стоящие в глазах слезы. Коренастая и полнотелая, с большими, в цыпках, руками, она походила на прачку, наряженную барыней.

«А и некрасива же, голубушка», – с болезненной жалостью подумал Влас.

– Лот номер раз! – кривлялась Раиса, выпячивая декольтированную грудь и хлопая себя по бочкообразным бедрам. – Продается дочь геройски погибшего генерала Симанюка!

Генерала было жалко, как и осиротевшую некрасивую его дочь. Война, начинавшаяся на манер легкой патриотической прогулки, тянулась четвертый год. Она вымотала людей и обескровила страну. Вращаясь в военно-медицинских кругах, Ригель называл ужасные цифры. Страшно подумать, за неделю – двести пятьдесят – триста тысяч раненых. И убитых – от пяти до десяти процентов от этого количества. И ради чего? Чтобы сплотить нацию перед лицом общей опасности и избежать назревшего, словно нарыв, государственного переворота? Не слишком ли велика цена? Власа нет-нет да и посещала крамольная мысль – а может, императору не нужно было ссориться с немецким родственником?

На вокзале было беспокойно – военные патрули поголовно проверяли паспорта и недобро косились на дожидających поезда мужчин, подозревая в них дезертиров. Влас не был дезертиром. Он страдал припадками и к военной службе был не пригоден. Чувствуя себя неловко, фотограф пытался устроиться в штаб, но дядя Пиенек отговорил – в фотографической лаборатории помощь племянника была гораздо нужнее. Подошедший состав на Петроград быстро заполнился людьми. Двери захлопнулись, и поезд тронулся. Чувствуя себя кавалером, Влас усадил свою даму у окна, устроившись рядом. Симанюк откинулась на спинку мягкого дивана, опустила на глаза густую вуаль и, кусая губы, обронила:

– Этот Бессонов, он какой-то особенный.

– В каком смысле? – не понял Влас.

Раиса Киевна глухо заговорила в нос, не отрывая взгляда от окна и странно обрывая фразы:

– Все в нем не так. Как не у всех. Он словно не из этого мира. Должно быть, он ангел. Мой ангел-хранитель. Его стихи – это мои молитвы. Он словно бы смотрит мне в душу и

видит меня насквозь. Он мыслит, как я. И говорит, как я бы могла сказать, если б умела. Он бог. Мой бог.

Глядя в окно, Раиса замолчала, а Влас задумался о Бессонове. Он, конечно, поэт. Талантливый. Дерзкий. Что уж скрывать, имеет право быть дерзким. Ибо талантлив. Говорят, много пьет. Ходят слухи, нюхает кокаин. Опять же талант нужно чем-то подпитывать. Интересно, отчего он не на фронте? Болен? Или откупился? Если откупился – тогда подлец. Хотя какая разница? За талант можно простить все. Даже подлость. Хотя нет. Подлость нельзя. И предательство нельзя. Даже поэту.

Влас обожал как поэзию, так и прозу, и авторы романов и стихов были для него сродни небожителям. С самого раннего детства каждый год он с нетерпением ждал новогодней елки, того особенного мига, когда распахнутся двери гостиной и под рождественскую мелодию, исполняемую мамушкой на рояле, позволят заглянуть под пахучую лесную красавицу, разукрашенную стеклянными колокольчиками и ангелами из папье-маше. Под елкой для всех лежали подарки – кому что потребно. Влас знал, что для него обязательно приготовлены книги. И какие! Из «Золотой библиотеки» – шикарного издания для детского и юношеского возраста в красном, с золотом, переплете и с золотым же обрезом.

Если книга была об Индии, то на обложке непременно оттиснута золотая карта Индии, а ниже – слон. Если о Французской революции – то картина Делакруа «Свобода на баррикадах», взятая в тисненую золотую раму. А как Влас зачитывался детективными книгами Артура Конан-Дойла и приключенческими романами Стивенсона и Дюма! Там было все – романтика, тайна, любовь и дружба. И бесконечное благородство, рядом с которым подлости места быть не могло. После четырнадцатого года как-то само собой исчезло все – рождественские елки, пасхальные воскресенья и даже дни рождения.

Из задумчивости Власа вывел резкий толчок, ознаменовавший полную остановку поезда. Мимо них к выходу пробирались люди, задевая лапами шуб и пальто спящую соседку Власа. Поезд еще раз конвульсивно дернулся, Раиса Киевна всхрипнула под вуалью и проснулась.

До дома де Роберти, что на Сенной, они добрались на извозчике. В квартире графини Широковой-Гонзель оказалось людно. В прихожей были навалены шубы и пальто, калоши стояли везде, где придется. Девушка Симанюк на что-то сердилась, не позволяя Власу помочь снять с себя шубку. А может, хотела показать себя эмасипе – в ее кругу это очень даже приветствовалось. Махнув рукой на Раису Киевну, Влас отправился здороваться с хозяйкой и ее гостями. Лобызая ручки одной из постоянных клиенток фотографического ателье дяди, Влас не мог не заметить, что у графини собралось немалое количество прехорошеньких барышень. Все они с восторгом взирали на поэта Бессонова.

Запрокинув кудрявую голову и полуприкрыв волоокие глаза, Алексей Константинович нараспев читал свои магические поэмы, словно гамельнский крысолов, увлекая доверчивых дев в адскую бездну. На лицах застывших вокруг Бессонова любительниц поэзии было на удивление однообразное выражение – покорной жертвенности и бездумной готовности следовать за своим кумиром на край земли, чтобы там в страшных мучениях отдать за него жизнь.

– То, что госпожа Лукьянова преставится, было ясно с самого начала, – вдруг услышал Влас.

Уловив сквозь гул стихотворного речитатива имя сбитой на Леонтьевской женицины, фотограф весь обратился в слух, боясь упустить хоть единое слово из заинтересовавшего его разговора. Протиснулся сквозь толпу хорошеньких воздыхательниц Бессонова и устремился к замеченному им господину, собравшему вокруг себя небольшую группу.

– Что было ясно? – переспросила не по возрасту разряженная дама со слишком глубоким декольте.

– Что Елизавета Никифоровна должна умереть, – тонко улыбнулся рассказчик. Он был сед и длинноволос, а поверх его бархатной куртки красовался желтый бант.

Присмотревшись, Влас признал в мужчине художника Вересаева, старавшегося не пропускать ни одной светской вечеринки.

– Отчего же вам это было ясно? – не отставала молодящаяся старуха.

– Ну, должно быть, я знаю это потому, что князь Зенин на мадам Лукьянову заговор делал, он сам хвастался и карту показывал, – со значением пояснил художник.

– Да ну! Что за чушь? – усмехнулся высокий господин в военном мундире. – Я прекрасно знаю Лизавету Никифоровну еще с тех времен, когда она звалась «ля петит Лиззи» и распевала прелестные шансонетки в заведении мадам Козенчук. Лиззи всегда была крайне рассеяна и никогда не смотрела по сторонам. Не думаю, что замужество и несколько лет жизни с этим скучным Лукьяновым так уж сильно изменили ее характер. Так что карты, заговоры на смерть – все это чушь, любезный.

– Отчего же чушь? – обиделся художник, забирая с подноса обносившего гостей лакея сразу два бокала шампанского. – Совсе нет. Извольте выслушать. В прошлом году мне поступил заказ – князь Зенин, тот самый, двоюродный племянник сами понимаете кого, пожелал иметь парадный портрет в полный рост. Я, знаете ли, считаюсь недурственным портретистом и беру недорого, и ко мне часто обращаются знатные господа, а иногда, как в этом случае, даже особы королевской крови. Я предупредил князя, что дело это небыстрое, а то некоторые обижаются, когда полгода приходится ходить ко мне на дом и по часу сидеть в одной позе. Андрей Владимирович не стал упрямитесь и согласился.

Рассказчик хлебнул шампанского и продолжил:

– А я, знаете ли, занимаю мансарду на Широкой, квартира Лукьяновых подо мной. Тогда-то с Елизаветой Никифоровной князь и познакомился. Как увидел он мадам Лукьянову, тотчас влюбился, голову потерял и стал звать уйти от мужа и сделаться его метресской. Елизавета Никифоровна от мужа не ушла, но содержанкой сделалась. Моей супруге она не раз говорила, что замужняя дама – это все-таки положение в обществе и никакие деньги его не заменят. Вот если бы князь на ней женился – тогда другое дело. Но князь жениться отказывался, ибо император, а особенно императрица – люди строгих нравов и не одобряют подобные мезальянсы.

Князь отступить тоже не желал и все настаивал на безраздельном обладании возлюбленной, требуя расторгнуть брак с Лукьяновым. Так страдал человек – вспомнить страшно! Приходил скандалить, грозился то Ивана Захаровича в Сибирь сослать, то Лизавету Никифоровну из револьвера застрелить. По совести говоря, мы всерьез его эскапады не принимали – мало ли чего в запале не совершишь? Да и сама Елизавета Никифоровна жестоко с князем поступала. То оттолкнет, то приблизит – играла, как кошка с мышью. Он, бедный, совсем извелся. А с неделю назад пришел ко мне веселый, деньги за портрет принес и говорит – вот, друг Вересаев, как все славно устроилось! Знающие люди подсказали обратиться к магу Тадеушу. Проживает на набережной Мойки, может, знаете? Берет недорого и гарантирует результат. Скоро, говорит, Елизавета Никифоровна перестанет меня мучить, ибо отойдет в лучший из миров.

– Прямо даже не верится! – охнула сухонькая старушка в замысловатом парике.

Вересаев перестал рассматривать остатки шампанского на дне бокала, вскинул на старушку ясные карие глаза и проникновенно произнес:

– Я, вот так же, как и вы, любезная Марья Николаевна, сперва не поверил. Что, говорю, ваше сиятельство, за чушь? Как маг Тадеуш может повлиять на госпожу Лукьянову и вызвать в ней желание расстаться с жизнью? А князь мне в ответ – изволь, друг Вересаев, взглянуть! И показывает карту из колоды Таро. Я присмотрелся – вроде все как обычно, карта как карта, именуемая «висельник». У меня, знаете ли, супруга эзотерикой интересу-

ется, поэтому я в этом деле немного смыслю. Как известно, карта эта – знак насильственной смерти, в оккультном значении символ жертвы. И всего-то и надо, говорит мне князь, преподнести какую-нибудь безделицу, в которую запрятать эту карту, моей обожаемой мучительнице, и все, конец моим страданиям, смерть заберет Лизавету, и я ни с кем больше не стану делить мою богиню.

Вересаев сделал честное лицо и, прижав ладонь к бархатной груди, проговорил:

– Клянусь всевышним, князь так и сказал.

– И вот, пожалуйста, – закивала париком старуха. – Елизавета Никифоровна сегодня отошла.

– Да-да, я тоже о подобном слышала! – подхватила декольтированная дама. – В четверг я посещала спиритический сеанс, баронесса Софья Аркадьевна выступала медиумом...

– Всем хорошо известно, что Софья Аркадьевна – непревзойденный медиум! – проявила осведомленность дама в парике. – Дух Наполеона является только к ней! Даже из дворца за ней присылают.

– Так вот, Софья Аркадьевна вызывала Клеопатру, и царица Египта предрекла в следующем году массовые трагические смерти от несчастных случаев.

– Может быть, она имела в виду войну? – со значением улыбнулся военный. – Поверьте, мон шер, чтобы сделать подобное предсказание, вовсе не надо быть медиумом. Ведь попадание пули в голову некоторым образом тоже несчастный случай, влекущий за собой трагическую смерть.

– Надо же, я как-то об этом не подумала... Получается, что война в этом году еще не кончится?

– Ну это всего лишь мои предположения. – Военный дернул плечом и иронично продолжил: – Вы знаете что? В другой раз, как только вызовите Клеопатру, сразу ставьте вопрос ребром – так, мол, и так, говори, когда ожидать окончания войны? А не скажет – сразу же поезжайте к магу Тадеушу, карту «висельник» на негодницу заговаривать!

Словно накипь на бульоне, в бурлящей противоречиями стране стали всплывать всевозможные кудесники и маги, спириты и ясновидящие. Уставшие от неопределенности обыватели жаждали чуда, и ловкие дельцы от психологии с готовностью этим пользовались. Хотя некоторые из них определенно обладали неоспоримыми способностями чудотворцев. Как тот же самый маг Тадеуш.

Потрясенный, Влас смотрел перед собой остановившимся взглядом и видел медленно кружащуюся в воздухе карту, планирующую в грязь из разорванной сумочки покойницы. Был ли это «висельник»? Этого Воскобойников с уверенностью утверждать не мог. Власа вернул к реальности пронзительный голос Раисы Киевны, с вызовом крикнувшей, перекрывая монотонно бубнящую многоголосицу беседующих:

– Послушайте, Бессонов! Я пришла бросить девственность к вашим ногам!

Влас обернулся и обмер. В помещении повисла тишина, отдаленные звуки граммофона ее почти не нарушали, было слышно, как нервно хрустит суставами пальцев застывшая перед Бессоновым Раиса. Покраснев и слившись с платьем, она стояла в цветнике хорошеньких мордашек окружающих ее девишек и, словно на эшафоте, ждала либо казни, либо амнистии.

Перестав напевать поэзы, Бессонов точно очнулся ото сна и взирал на дарительницу с брезгливым интересом, как на экзотическое животное или невиданную ранее вещь, предназначения которой он не знает. Десятки глаз были устремлены на сгорающую от стыда девишку, а Бессонов все никак не реагировал на ее пронзительную откровенность, продолжая безучастно рассматривать Раису словно сквозь пистолетный прицел.

Влас уже хотел нарушить затянувшуюся паузу и увести поставившую себя в неловкое положение приятельницу подальше от позора, но поэт вдруг шагнул к Симанюк, грубо схватил

ее за руку и рывком увлек в дальний конец квартиры, туда, где скрипки томно и страстно выводили невероятно популярный и дико неприличный танец танго.

Все разом заговорили, каждый делился своими соображениями с окружающими.

– Фи, как грубо! – переглядывались поклонницы Бессонова, самым очевидным образом завидуя счастливой сопернице.

– Однако смело, – ухмыльнулся Вересаев. И тут же понимающе добавил: – Она же дуришечка. Что бедной барышне еще остается? Только эпатировать.

На Власа вдруг накатило лютое бешенство, на скулах заходили желваки, и кулаки сжались так, что ногти вонзились в ладони.

– Милостивый государь, – глухо прохрипел он. – Извольте извиниться!

Гаденькая улыбка еще не до конца сползла с лица художника. Затуманенные виновными парами ореховые глаза оставались непонимающими.

– Перед кем, позвольте полюбопытствовать? – ухмыльнулся Вересаев.

– Передо мной и этой девушкой! – горячился Влас. – Госпожа Симанюк – моя хорошая знакомая, и я не позволю отпустить в ее адрес подобные замечания!

Вересаев решил обратить все в шутку и, хлопнув Власа по плечу, весело сказал:

– Слушайте, Ган, перестаньте...

Это было уже слишком. Обращение «Ган» стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Влас схватил художника за грудки и с силой потряхнул, выкрикивая в лицо:

– Воскобойников! Моя фамилия Воскобойников!

Дамы испуганно вскрикнули и прижали ладони к губам. Из дальнего конца зала к ним спешила хозяйка.

– Господа, я прошу вас! Господа! – размахивая сложенным веером, умоляюще кричала она.

Влас отпустило, и он, выдохнув, разжал сведенные судорогой пальцы, освобождая полы бархатной куртки неприятеля.

– Черт знает, у вас в фотографическом ателье все Ганы, – оправляя куртку и искоса поглядывая на Воскобойникова, пробурчал Вересаев.

Хозяйка взяла сторону Власа. Она с укором посмотрела на художника и, упрекая, проговорила:

– Семен Валерьянович, если не хотите меня обидеть, извинитесь немедленно! Стыдно не знать племянника Пиемислава Карловича Магельского!

Припертый к стенке, художник мрачно пробурчал:

– Прошу прощения, господин Воскобойников. Видит бог, не хотел вас обидеть. Ни вас, ни вашу знакомую.

При этом смотрел на Власа лютым волком. Изображая любезность, художник протянул Власу руку и, пожимая, склонился к самому его уху, прошептал:

– Берегитесь, юноша! Я обиды не прощаю!

Всерьез угрозы Влас не принял – мало ли кто что в запале сболтнет? И, расхаживая по гостиной, останавливался то у одной группы беседующих, то у другой, не зная, следует ли ему дожидаться Раису Киевну или можно с чистой совестью отправиться домой. Одна из затронутых тем его заинтересовала, и Воскобойников остановился. Говорили о слабости царя и деспотизме царицы, управляемой Распутиным и фрейлиной Вырубовой.

Влас внимательно слушал полную негодования речь разгоряченного графа Урусова, когда его тронули за плечо, и чья-то ледяная рука взяла его пальцы, потянув в сторону выхода. Он обернулся и увидел лихорадочно пылающее лицо Раисы.

– Унесите меня отсюда, – одними губами прошептала она.

Сожалея, что не дослушал, юноша покорно принял Симанюк под локоток и увлек в прихожую. Он почти физически чувствовал, как их провожают заинтересованно-насмешливыми

взглядами, и прекрасно понимал, что этот насмешливый интерес вызывает отнюдь не его персону. Кое-как нацепив шубейку и пристроив на голову меховую шляпку, Раиса Киевна низко опустила вуаль, выбежала из квартиры и припустила по лестнице вниз. Влас еле успел сунуть ноги в калоши, подхватить пальто и устремиться вдогонку.

Всю дорогу до вокзала Симанюк молчала, молчала она и в поезде. Вернувшись домой, все так же безмолвно поднялась на мансарду, отперла дверь, прошла по коридору и скрылась в своей комнате, запершись на ключ.

Влас предпринял робкую попытку постучать, но ответом ему была презрительная тишина. Заглянув к Ригелю, Влас убедился, что приятель спит, и отправился к себе, чтобы последовать его примеру. Раздеваясь перед сном, он помимо воли представлял себе Раису Киевну в объятиях Бессонова и находил, что это очень даже пикантно. Однако вообразить себя на месте поэта, как ни старался, так и не смог.

Москва, май 2018 года.

В больницу я больше не вернусь. Вместе со спокойствием там на меня накатывает такая тоска, хоть волком вой. Чтобы не встречаться с консьержкой, я спустилась по запасной лестнице, отперла черный ход, села в машину, отъехала подальше от дома и, припарковавшись на набережной, позвонила Ларисе.

– Привет, Лар. – Голос дрожал, но я пыталась взять себя в руки. – Меня снова в хотят упечь в психушку.

– Немедленно приезжай ко мне! – строго распорядилась подруга.

В трубке фоном отчетливо слышался мужской голос, и я неуверенно протянула:

– Ты вроде бы не одна...

Но подруга была непреклонна:

– Это не имеет значения! Не хватало, чтобы ты в машине ночевала!

Люблю я Ларку. Душа-человек. Казалось бы, какое ей до меня дело? Но нет, я точно знаю, что, если что-то случится, Лариса не оставит меня в беде. Мы познакомились в Архиве. Лариса пришла устраиваться в пресс-службу, но, несмотря на наличие вакансии, ее услугами не пожелали воспользоваться. Я как раз обедала в кафешке напротив Архива, когда Лара вошла в зал и под села за мой столик.

– Какие интересные люди в отделе кадров, – обиженно протянула она. – Диплом Сорбонны их не впечатлил.

– Они все патриоты. Их больше Московский университет впечатляет, – улыбнулась я.

Потом я совершенно случайно встретила Ларису на выставке Дали, и тут-то она рассказала, что устроилась в Выставочный Центр, и если наш Архив будет искать площадку под тематические выставки, она готова помочь с арендой зала. Так и пошло – как тематическая выставка, так у Ларисы в Центре.

– Ну что там у тебя? Выкладывай! – открывая дверь, налетела с вопросами подруга. – Опять Эммануил Львович за помощью к эскулапам от психиатрии обратился?

– Не кричи, гостей перепугаешь, – зашептала я. – Что, уже звонил?

– А ты как думала? Он же знает, куда ты направишь свои стопы в первую очередь. Пришлось наврать, что ты попросилась на ночлег, но я тебе отказала, ибо я не одна. Кстати, ты напрасно беспокоишься о моих гостях. Парень – американец, через пень-колоду по-русски понимает, – беспечно отмахнулась Ларка.

Я шагнула в комнату и потеряла дар речи. Ну подруга дает! Это же наш Майкл Смит из Джорданвилля! Сидит себе на разобранной кровати, целомудренно прикрывшись одеялом и уткнувшись в смартфон. И когда только Лариса успела свести интимное знакомство с представителем американской стороны?

– Где ты его взяла?

– Что, ничего так себе? Я подцепила этого породистого жеребца в баре рядом с Выставочным Центром. Сидел, скучал. Я посмотрела – вроде ничего мужчинка, в дело гош. – Ларка плотоядно улыбнулась и поправила туго обтянутую пеньюаром грудь.

Мужчины – ее слабость. За это Заглушкину-Валуа и не любит мой бывший муж, считая, что на ней пробы ставить негде. Да и нынешний не особенно жалуется. Кстати, по уверениям Ларисы, обе ее фамилии принадлежат ее бывшим мужьям, и чтобы никого из них не обидеть, она ни от одной из фамилий не отказалась. Но самая большая Ларисина мечта – отыскать парня с фамилией Рейснер и выйти за него замуж, чтобы окончательно слиться с Ларисой Рейснер в единое целое.

– Между прочим, Пастернак назвал героиню «Доктора Живаго» в честь Ларисы Рейснер, – как-то заявила она. И продолжила: – Жалко, что я не родилась в Серебряном веке. Я бы заставила всех этих так называемых поэтов ползать у меня в ногах и молить о ночи любви. А то чуть что – Прекрасная Дама, а как до дела – сплошное соплежуйство. Вон, почитай воспоминания Любви Менделеевой. Как она с Блоком намучилась. Да и Андрей Белый был тот еще «лыцарь». Все отчего-то думают, – ехидно продолжала она, – что, родись они в Серебряном веке, непременно были бы Ларисами Рейснер или Ахматовыми, и отчего-то никто ни на секунду не допускает мысль, что жили бы в деревне, среди коровьих лепешек, и окружали бы их не галантные Бальмонты, а немые Федьки Раскорякины.

– Ты проходи на кухню, я сейчас, – распорядилась Лариса, извлекая из пиалы и отправляя в рот побег пшеницы – считая себя веганом, в последнее время подруга перешла исключительно на подножный корм. – Чайник ставь. Там у меня конфеты в коробке, доставай. Я все равно такое не ем. А может, ты салата хочешь?

– Спасибо, я поужинала, – откликнулась я, опускаясь на стул и запуская по смартфону второй сезон «Игры престолов».

Лара вернулась через полчаса, когда я успела досмотреть почти всю первую серию.

– Честно говоря, я так и думала, что этим закончится твой поход в «Детский мир», – присаживаясь за стол напротив, вздохнула Лариса.

– Может, у человека быть маленькая слабость? – как мне казалось, независимо дернула я плечом.

Я и сама понимаю, что выгляжу жалко. Только одно дело – понимать, а другое дело – уметь с этим справиться. Лариса посмотрела на меня, как на блаженную, и мягким голосом заговорила:

– Мирочка, детка, ты сама себя загоняешь в тупик! Отпусти ее, свою Катю. Тебе же легче будет.

Я всхлипнула и смахнула слезу. И захотела рассказать Ларе все-все-все, что наболело в душе. Самое тайное и сокровенное, что никому не рассказывала.

– Легче не будет, Лар, я знаю. Мне легче думать, что она где-то рядом, моя маленькая девочка. Знаешь, после того, как это случилось, я была в больнице, а в соседнем отделении лежал милый такой старичок Илья Ашотович. Как же его фамилия? Теперь уже не вспомню. Во время прогулок мы с ним часто сидели на одной скамейке в парке, и он мне рассказывал, что его отец, ученый-физик, долго жил в Финляндии и там пытался опубликовать статью о своем открытии, но его подняли на смех. И только журналист из России проникся его открытием и внимательно выслушал, правда, потом украл расчеты и скрылся в неизвестном направлении. Физик приехал в Россию и попытался выйти на след похитителя, но вскоре умер. Тогда за поиски принялся Илья Ашотович. Он долго ходил по инстанциям, а когда у одного большого начальника изложил суть открытия своего отца, его увезли в больницу.

– И что же открыл отец Ильи Ашотовича? – без особого интереса осведомилась подруга. Я понимала, что Ларе все равно, но мне необходимо было выговориться.

– Ты не поверишь! Способ попадать в прошлое. И в будущее. Я все время об этом думаю. Вот бы мне вернуться в тот день, когда все случилось, и никуда не пойти! Просто остаться дома, чтобы не дать ей упасть.

– И ты поверила в этот бред? – Лара старательно выскребла ложечкой половинку киви и принялась за вторую. – Девочка моя, какая же ты наивная! Твой старичок и в самом деле сумасшедший. Если бы путешествия во времени были возможны, неужели бы люди об этом не знали? Хочешь коньяку? Сразу отпустит.

Беганство Лары странным образом не исключало спиртные напитки, что мне казалось поистине удивительным, однако, сколько я ни спрашивала, подруга не могла объяснить свой рацион.

– Пятьдесят грамм – и баиньки, – уговаривала меня Лариса, плеская в два бокала коньяк.

Глядя на подругу, я нехотя опустошила бокал и тут же закашлялась, задохнувшись от крепости напитка. Лариса привычно опрокинула свою порцию, шумно выдохнула, сунула в рот дольку лайма и махнула рукой в сторону коридора.

– Иди, ложись. Я тебе в гостиной постелила. А я пойду к своему американцу. Нечего такому красавцу простаивать без дела.

Она выбросила кожицу от лайма в мусорный бак, приблизилась и обхватила меня сзади за плечи.

– Кстати, как ты насчет секса? – дыша коньяком и цитрусом, промурлыкала Лара. – Может, уступить тебе моего Ромео? Здоровый секс способствует психическому здоровью. Каламбур. Только что придумала. А может, хочешь к нам присоединиться? Втроем тоже здорово.

– Да ты что, Ларка! – поёжилась я. – Он же со мной вместе выставку готовит! Да и не хочу я ничего. Даже думать об этом не могу. Противно.

– Ну как знаешь. Тогда спокойной ночи. Побудка в восемь утра, в девять выезжаем.

Утром я тихо, стараясь никого не разбудить, прошмыгнула по коридору и, распахнув дверь в ванну, наткнулась на совершенно голого Майкла Смита. Должно быть, он только что вылез из душа, и на его атлетически сложенном теле, напоминая росу, искрились капельки воды. Американец растирался большим махровым полотенцем, дружелюбно улыбаясь и делая приглашающий жест.

– Нет-нет, спасибо, я после вас, – отшатнулась я, оробев от подобной фривольности.

– Would you like a cup of coffee?¹ – вежливо осведомился он, обвязывая бедра полотенцем и направляясь в кухню. И на ломаном русском добавил: – Тебье сварить кофе?

– Было бы неплохо, – откликнулась я, занимая его место и на всякий случай запирая ванную комнату изнутри.

На кухне зашумела кофемашина, перемалывая кофейные зерна, а я полезла под душ. После пила кофе с тостами и слушала Ларку, клюющую овсянку и оживленно рассказывающую про новый проект каких-то молодых продвинутых голландцев. Майкл безразлично смотрел в окно, и было не ясно, понимает он, о чем идет речь, или не очень. Лариса, в широких штанах, в которых занимаются йогой, сидела, поджав под себя босую ногу. Она закончила восхищаться голландцами и, обращая ко мне, наставительно заговорила:

– Дорогая моя, готовься. Эммануил Львович обязательно станет стеречь тебя у главного входа. Поэтому я бы рекомендовала воспользоваться служебным.

– А как быть с Волчанским? – напряглась я, тут же теряя аппетит и отодвигая нетронутый кофе. – Позвонить и направить к служебному входу? Он не найдет. Заблудится.

– Не волнуйся ты так, моя девочка, – усмехнулась подруга. – Я проведу твоего Волчанского прямо к вашему залу и передам тебе на руки.

¹ Желаете кофе? (англ.)

Я с благодарностью посмотрела на Лару и, снедаемая желанием быть хоть чем-нибудь полезной, убрала чашки в посудомоечную машину.

К Выставочному Центру подъехали с опозданием, и я еще издалека увидела Волчанского. Выкидывая длинные ноги в коротких, явно севших после неправильной стирки джинсах, он вышагивал перед центральным входом туда и обратно. Мятая футболка походила на домашнюю, ту, в которой он спит. Полагаю, Женя надел на себя первое, что выпало из шкафа, когда его открыл. Лицо бывшего мужа выражало крайнюю степень задумчивости, брови сосредоточенно хмурились, отросшая борода закрывала грудь.

Волчанский был так занят своими мыслями, что даже не замечал застывшего у колонны Эммануила, испепеляющего взглядом своего предшественника. Если бы сейчас рядом с Евгением разорвался снаряд, он бы всего лишь недовольно поморщился, досадуя на помеху плавному ходу его мыслей.

Проводив глазами красную, с опущенным верхом, машинку, из которой виднелась стриженная макушка моей подруги и развевались длинные волосы Майкла, я резко крутанула руль, сворачивая за угол, к служебному входу.

Поднимаясь по лестнице, услышала знакомые голоса, как обычно спорящие до хрипоты. А поднявшись на пару ступенек выше, увидела и самих спорщиков.

– Если ты не понимаешь ничего в современном искусстве, то и не берись судить! – кричала Лара.

– Разложившийся труп – это искусство? – перекрикивал мой бывший, при этом борода его воинственно тряслась.

– Это аллегория, а не труп, тупой ты ублюдок! – горячилась подруга. – Символизм! Понимаешь ты это?

– Почему я должен это понимать? – не сдавался Волчанский. – К черту такой символизм, от которого с души воротит!

– А ты как обыватель, конечно же, привык ко всему приятному! – уличила Волчанского Заглушкина-Валуа. – К белому и пушистому!

И ткнула пальцем в мятую майку на его груди.

– Искусство, дорогой ты мой, гораздо шире, оно заставляет переживать и думать! А европейское искусство – особенно. Ты же не можешь не согласиться, что Европа наших дней стала по-настоящему гуманна?

– Да ладно! – Ехидству Волчанского не было предела. – Чтоб ты знала, нет в природе ничего страшнее европейского гуманизма и высшей европейской справедливости. Начиная со спасаемых неизвестно от чего орд морлоков, в последние годы оккупировавших прекраснотушных элоев, и заканчивая убийством молодого жирафа в Копенгагенском зоопарке. Своими руками пристрелил бы прагматичных сволочей!

– Какие еще будут претензии к европейцам? – фыркнула Лариса.

– А я смотрю, ты за Европу стоишь горой!

– По сути я космополит...

– Претензии у меня все те же, что были и у Александра Сергеевича, – не на шутку разошелся Волчанский. Я даже зажмурилась, чтобы не видеть его перекошенного злобой лица. – Позволю себе напомнить стихи Солнца русской поэзии, так и озаглавленные – «Клеветникам России».

О чем шумите вы, народные витии?

Зачем анафемой грозите вы России?

Что возмутило вас? Волнение Литвы?

Оставьте: это спор славян между собою...

Дальше сама, надеюсь помнишь. А насчет космополитизма... По сути, ты, Ларочка, прошу прощения за мой французский, не космополит, а законченная стерва. Хотя, возможно, это одно и то же.

Теперь уже разозлилась Лариса.

– Знаете что, профессор? – сердито проговорила она. – Займитесь своими прямыми обязанностями! Уберите щиты от входа. Отнесите их к грузовому лифту и спустите на первый этаж.

– А что это вы, мадам, раскомандовались? – расплылся в саркастической улыбке бывший супруг. – Придет мое непосредственное начальство и даст задание.

Понимая, что пробил час выхода на сцену, я поднялась на еще один пролет и помахала рукой.

– Всем привет! – оптимистично улыбнулась я. И уточнила: – Ругаетесь?

– Разжалованный профессор Волчанский невыносим, глаза бы мои его не видели, – поморщилась подруга. – Забирай, Мирослава, свое сокровище.

Женя по-детски улыбнулся и простодушно потянулся обнять меня. Сделав вид, что не замечаю его порыва, я прошла в зал и указала рукой на щиты.

– Знаю-знаю, – закивал он, – убрать от входа, отнести к грузовому лифту и спустить на первый этаж.

– Приятно иметь дело с понятливым человеком, – скептически хмыкнула я. – Занимайся, Евгений, щитами, а я пойду к экспонатам.

И я отправилась к прибывшим вчера вечером коробкам, возле которых крутился Майкл.

– Ну, что тут у нас? – улыбнулась я. И специально для Майкла добавила: – What books are in this box?²

Он стоял над коробкой номер девять и, сняв крышку, рассматривал ее содержимое. Обернулся и проговорил:

– It's prayer and Bible³.

И в самом деле, там лежали духовные книги. А сверху, так же, как и остальные экспонаты, упакованный в полиэтилен, покоился потертый молитвослов в переплете черного муара, расшитый золотыми нитями. Надев специально предназначенные для этого перчатки, я взяла молитвослов в руки, бережно сняла обертку, открыла и увидела, что страницы сильно засалены – должно быть, этой книжечкой часто пользовались. Сверившись с описью, я увидела, что под номером сорок пять в списке числится личный молитвослов Александры Федоровны. И убрала его на место, закрыв коробку крышкой. Из-за колонны вынырнула Лара.

– Мирослава, не сомневаюсь, что ты здесь прекрасно справишься сама, – категорично проговорила подруга. – А нам с Майклом нужно решить очень важные организационные вопросы по предстоящей пресс-конференции.

И, ухватив американца за локоток, повела к себе в кабинет.

Я обернулась к подошедшему Волчанскому и уточнила:

– Закончил с щитами?

– Само собой, – улыбнулся он.

– Тогда займись рамками для экспликаций, коробки с книжками в последнюю очередь на стенд отнесешь.

Евгений покладисто кивнул и направился к ящику с пояснительными табличками.

А я занялась осмотром царского текстиля, прибывшего из Соединенных Штатов. Полотенца, наволочки, покрывала, салфетки, и все такое тонкое! И, что особенно ценно, большая часть вышита руками Ее Императорского Величества и Великих Княжон – императрица обо-

² Что за книги в коробках? (англ.)

³ Молитвословы и Библия (англ.).

жала дарить предметы, сделанные своими руками. Краем глаза я вдруг заметила, что рядом с книжными коробками все еще крутится Волчанский, и тоже в специальных перчатках.

– Жень, что-то хотел?

– Я только взгляну на одну книгу, буквально одним глазком посмотрю, – быстро ответил он, выкладывая на стол пухлые ветхие фолианты.

Я снова погрузилась в разбор прибывшего из Свято-Троицкого монастыря багажа, передавая извлекаемые из кофра вещицы помощнице Светочке для дальнейшей работы. Светочка бережно раскладывала пакеты с текстилем на столе, сортируя. Закончив, она огляделась по сторонам и проговорила:

– Что-то я не поняла, где наш подсобный рабочий? Мирослава Юрьевна! Нужно же витрины собирать!

Я сразу посмотрела на стол с коробками, но Жени там не оказалось. Не было его и в других углах просторного зала. Я вышла в холл и огляделась по сторонам. Затем отправилась в мужскую комнату и некоторое время постояла рядом с дверью, дожидаясь. Включила смартфон, увидела пару десятков пропущенных вызовов от Эммануила, быстро набрала Евгения. Аппарат его был выключен, к домашнему телефону никто не подходил. Я отключила прибор и снова стала ждать. Не дождавшись возле туалета, спустилась вниз, отметила, что Эммануил покинул свой пост у входных дверей, и поднялась в зал.

Нехорошее предчувствие сдавило грудь. Я бегом устремилась к коробкам с книгами и открыла коробку номер девять. Лежавшего сверху молитвослова на месте не оказалось. Я принялась судорожно выкладывать книги на стол, надеясь, что небольшой, размером с записную книжку томик легко мог куда-то завалиться. Однако ничего похожего не обнаружилось. Не нашлось молитвослова и в других коробках. Лара застала меня за просмотром последней коробки, после которого надежды на то, что музейный экспонат случайно попал не туда, растаяли как дым.

– Значит, так, Мирослава, – подруга сунула мне в руки компьютерную распечатку, – вот твой список вопросов для пресс-конференции, подготовишь ответы. С Майклом мы все обсудили, он тоже будет готовиться. Очередность установите сами, но я бы предпочла, чтобы начинала ты.

В дверях появился охранник и прокричал:

– Мирослава Юрьевна, там внизу ваш муж скандалит, требует, чтобы вы к нему вышли.

– Женья внизу? – встрепенулась я.

– Почему Женья? – обескураженно протянул парень в форме. – Он представился Эммануилом Львовичем Коганом. Купил билет в нижний зал, а сам рвется наверх.

– А кстати, где господин профессор? – многозначительно прищурилась Лариса. – Что-то я не наблюдаю в этом зале его астеничной фигуры.

Я замялась и неуверенно протянула:

– Евгений куда-то отошел.

Лариса злорадно усмехнулась и выпалила:

– Ну понятно! До обеда поработал наш герой и схлопнулся. Конечно, тяжести таскать – это не монографии пописывать!

Заметив мое расстроенное лицо, Лариса пошла на мировую:

– Да ладно, Мир, забей. Никуда он не денется. Что ты там все роешься, как курица в навозе? Потеряла что-то?

– Даже не знаю, – забормотала я. – Молитвослов куда-то подевался.

– Не ной, найдется, – махнула рукой подруга.

– Так что, Эммануила Львовича к вам не пускать? – допытывался охранник.

И я решилась на крайний шаг:

– Не пускать. Передайте, чтобы он ехал домой.

– А вечером что изменится? – усмехнулась Лара. – Полагаешь, что дома будет по-другому?

– Я к нему не вернусь, – чуть слышно выдохнула я. Но подруга все-таки услышала.

Глаза ее сделались жесткими, у губ пролегла суровая складка.

– Ну-ну, смотри, тебе жить. К слову, где жить собираешься? Думаю, ты и сама понимаешь, что на сей раз никто не поверит в твое отсутствие под моей крышей, и Эммануил Львович предпримет попытку взять штурмом квартиру, так что ко мне ехать нельзя.

– Есть место, где муж меня совершенно точно не будет искать.

– Теряюсь в догадках, – хмыкнула подруга. И тут же протестующе замахала руками: – Нет-нет, лучше не говори, а то вдруг проболтаюсь Эммануилу, когда он станет меня каленым железом пытаться.

Остаток дня мы со Светочкой своими силами собирали витрины и выкладывали в них наши сокровища. Мысль о пропавшем молитвослове не выходила из головы, и я несколько раз сверялась со списком, проверяя, не ошиблась ли я – а вдруг и не было никакого молитвослова? Но нет, ошибки быть не могло. За номером сорок пять совершенно точно числился личный молитвослов Ее Императорского Величества Александры Федоровны. Я очень опасалась, что в коробку залезет дотошный Майкл, обнаружит пропажу, и тогда не избежать международного скандала, но мне повезло. Американец открыл для себя перформанс шведского кудесника от искусства и до самого окончания рабочего дня снова и снова наблюдал за распадом демонической женщины. Пока что никто ничего не заметил, и я очень рассчитывала, что вечером увижу Евгения и задам интересующий меня вопрос по поводу пропавшего экспоната из коробки номер девять.

Царское Село, декабрь 1916 года.

Переливчатая трель будильника оповестила о начале нового дня. Независимо от того, будни это или праздники, Влас просыпался по надежному немецкому «Леникхру» точно в семь часов и делал ровно сто атлетических движений для придания мускулам упругости. Затем шел в ванную комнату и, стоя в корыте, окатывал тело ледяной водой. Растирался туго накрахмаленным до наждачной жесткости полотенцем, тщательно брился перед мутным от времени настенным зеркалом, наводил идеальный пробор и возвращался к себе, чтобы одеться на американский манер в клетчатые панталоны и желтые ботинки на каучуковом ходу, завершив картину преображения белой фланелевой тенниской на шнуровке крест-накрест, укороченным полупальто и кепи.

В это утро дело дошло до тенниски, когда в комнату без стука ворвался Ригель и с порога выдохнул:

– Эх, Воскобойников! Не уберег Раису Киевну!

– Во-первых, Мишель, здравствуй, – с достоинством откликнулся Влас, рассматривая в карманное зеркальце пръиц на подбородке. – Не кричи. Что случилось? Что с Раисой?

– Выпила крысину отраву, пыталась покончить собой. Да не стой ты, как фонарный столб! Нужно промывание делать! Воду к ней неси!

Влас отложил зеркальце и посмотрел на друга.

– Кружки достаточно?

Ригель даже застонал от его непонятливости.

– Ведро с водой! – прокричал он, выбегая из комнаты и устремляясь в покои хозяйки. – Пустую кружку! И таз! Все неси! Да шевелись ты!

Влас сходил на кухню за ополовиненным во время умывания ведром, по дороге прихватив кружку и таз. Свернув по коридору на хозяйскую половину, зашел в открытую дверь и поставил воду перед Ригелем. Таз и кружку тот выхватил из рук приятеля сам. Замерев перед кро-

вацию, Влас не без брезгливости наблюдал, как Ригель зачерпывает в ведре воду и кружка за кружкой вливает ловкими точными движениями в раскинувшуюся в беспмятстве девушку, после чего переворачивает ее на бок и, сделав несколько манипуляций, направляет рвотный поток в стоящий на полу таз. Затем снова зачерпывает воду, вливает в рот Раисе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.